

Новые книги

ВЫБОР ИГОРЯ ГУЛИНА

ФИЛОНОВ Давид Бурлюк

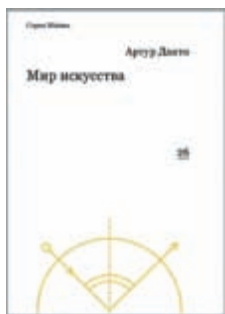
Издательство Гилея

В 1920 ГОДУ Давид Бурлюк перебирается с охваченного гражданской войной Дальнего востока в Японию, где среди прочего начинает писать очерки об оставшихся на родине друзьях и соперниках по авангарду. Один из них — воспоминания о Павле Филонове — разрастается в небольшой роман. Единственный раз он был опубликован в 1954 году, уже в Америке, в семейном журнале Бурлюков *Color And Rhyme* — в переводе на английский, выполненном сыном художника Николаем. Не то чтобы публикация осталась совсем незамечен-

ной. Специалисты по авангарду, конечно же, знали об этом тексте, но относились к нему с недоумением. Это чувство легко понять. «Филонов» — поистине странная книга. Бурлюк рассказывает о своем еще вполне живом товарище. Адресат его книги — люди, интересующиеся русским искусством. Однако не надо быть знатоком биографии Филонова, чтобы заметить, что герой книги имеет к нему довольно туманное отношение. Если точнее, этот «Филонов» состоит из трех компонентов. На одну треть это действительно изобретатель «аналитического искусства», на другую — сам Бурлюк. Оставшееся — фигура предельно абстрактная: выписанный из книг романтический идеал художника-аутсайдера. Один из пионеров монтажа в русском искусстве, Бурлюк будто бы начал писать три вещи разом: автобиографию, очерк о приятеле и декадентский роман о художнике. Идеальным выходом ему показалось слить их в одно повествование, в котором детали разных жизней становятся чертами общего образа. В этом смысле выбор персонажа, внутри которого, как паразит, поселяется автор, столь же странен, сколь и логичен. Есть одно сходство: оба, Бурлюк и Филонов, были противниками беспредметности, что для авангарда начала 1920-х было важным фактором. Но важнее различия. По сути эти двое — полные противоположности. Бурлюк — кипящий жизнью самолюбивый

трикстер, деятельный антрепренер, обаятельный шарлатан. Филонов — аскет, пророк, немного параноик, таинственный нелюдимый гений. Из этих несоединимых компонентов должен был родиться идеальный герой для биографии авангардиста. Общие места декадентского чтива об отверженных гениях были своего рода маслом, при помощи которого герой и автор слились бы в единую величественную фигуру.

Нельзя сказать, что эта формула сработала. Книга Бурлюка остается набором мало связанных элементов. Сухой отчет о художественной жизни начала 1910-х годов, злое и веселое сведение счетов с бывшими друзьями, утомительные рассуждения о природе искусства. И еще чистый вымысел — отчаянно комический (особенно в занимающих довольно большую часть повествования эротических эпизодах). Если бы Бурлюк был более умелым литератором, его книга оказалась бы напыщенной пошлостью. Спасает ее даже не дилетантизм, а головокружительная небрежность, которая и была главным талантом «отца русского футуризма». Бурлюк не был большим писателем, поэтом, художником, но он был великолепным мастером курьеза, эскапады, выполненной с серьезным, насупленным лицом. Такого рода эскападой и был его «Филонов». Поэтому он не вызывает раздражения — только умиление от нелепого, но удивительного трюка.

МИР ИСКУССТВА Артур Данто

Издательство Ad Marginem — МСИ «Гараж»
Перевод Алексей Шестаков

НЕБОЛЬШОЕ и крайне изящное эссе американского художественного критика Артура Данто — во многом поворотная точка для всей западной мысли об искусстве. Данто задает простой вопрос: почему нечто считается искусством? Почему в галереях и музеях могут оказаться раскрашенная кровать, муляжи коробок из-под мыла, перерисованный комикс? Ответ: потому что искусство — это определенная система конвенций, постоянно смещающихся значений. Американский философ был первым, кто артикулировал эту очевидную сейчас мысль. Но интереснее другое: там, где большинству его последователей требовалась сложная машинерия социологии, экономики и антропологии, Данто виртуозно обходится одной только логикой. Как бы ни выглядели произведения искусства, какие бы взгляды ни стояли за ними, они представляют собой высказывания вполне конкретного типа, а вся их сумма, «мир искусства», остается стойкой логической системой. Эссе написано в 1964 году, на пике триумфа минимализма. На свой лад книга Данто выполняет схожую функцию на уровне теории — поиска сухой эссенции, минимального остатка самой речи об искусстве.

ПАДАЮЩАЯ ДЕВОЧКА Франсуа Скойтен, Бенуа Петерс

Издательство Zangavar Cobalt
Перевод Михаил Хачатуров

ПЕРВЫЙ вышедший по-русски комикс из цикла о «Тайных городах» бельгийского художника Франсуа Скойтена и французского писателя Бенуа Петерса — довольно поздний. Это шестой том серии, но, чтобы взяться за него, внимательно изучать контекст необязательно. Достаточно знать, что действие происходит на планете, история которой параллельна земной, но декорации — куда более захватывающие. Скойтен и Петерс выдумали свои «Города» в начале 1980-х, когда зарождалась мода на стимпанк. Тут все признаки жанра: величественные здания в духе ар-нуво, удивительные механизмы, диковинные наряды и герои-эксцентрики. От большинства работавших в том же духе авторов франко-бельгийскую пару отличает своего рода романтический постмодернизм. Так и эта книга о том, как незримое небесное тело заставило одну юную девушку отклониться от привычной оси силы тяготения и подвесило под нецелесообразным углом к земной поверхности, незаметно превращается из приключенческого романа в историю о встрече автора и героя, а из нее — в старомодно-нежное повествование о том, как Галатея с другой планеты разбивает сердце наивному Питгалиону-модернисту. Легкая боржесовская хитрца делает этот простой сюжет еще более эффектным.

